

ДВАЖДЫ КРАСНОЗВЕЗДНЫЕ* **АФГАНЦЫ**

КРУТОЙ ХАРАКТЕР

Михин Владимир Петрович, родился 05.10.1951 г. в селе Кобыерево Воскресенского района Московской области.

— Приходи на следующий год — зачислим без экзаменов!

Так или примерно так звучал приговор успешно сдавшему вступительные экзамены в Рязанское воздушно-десантное училище Володьке Михину. Мало ли что по физо оценки выше всех остальных, мало ли что по боксу первый взрослый разряд, а на кой ляд тогда буква Закона, где черным по белому написано, что в училище принимают только лица мужского пола, достигшие семнадцатилетнего возраста.

— Подрасти чуток — ждем с распростертыми объятиями.

— Это самое по всей мор... то есть по всему лицу.

Так или примерно так звучал ответ Володьки Михина. Мало ли что до семнадцати лет не хватает каких-то трех-четырёх месяцев, мало ли что за месяц «карантинных» лагерей в Сельцах отсеивается до полусотни хлюпиков и нытиков, а на кой ляд тогда буква Закона, где черным по белому написанное, можно преспокойно обойти или просто не заметить, было бы желание.

Поэтому, с октября шестьдесят восьмого года прошлого века (до этого проходившего, якобы, испытательный срок), Владимир Михин становится полноправным курсантом Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища

* См. материал из Википедии — свободной энциклопедии «Орден Красной Звезды»
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%BD_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%97%D0%B2%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D1%8B

имени Ленинского Комсомола, окончив которое через четыре года одним из первых в стране получает диплом инженера по эксплуатации бронетанковой техники и распределяется, и распределяется...

Летом семьдесят второго года мы с ним одновременно прибываем для дальнейшего прохождения службы в 51-й гвардейский парашютно-десантный полк: он — командиром гранатометного взвода во 2-й батальон, я — врачом в 1-й батальон.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...В семьдесят третьем году, заняв пятое место из пятидесяти взводов Московского военного округа на уборке урожая, был представлен к медали ВДНХ, но награду получил кто-то другой. В семьдесят пятом, но уже с должности заместителя командира роты, опять назначают командовать целинным взводом. Пытаюсь отказаться, мотивируя предстоящими сватовством-женитьбой: дескать, невеста не будет так долго ждать.

— Значит, она — не жена тебе.

С таким доводом не согласиться было нельзя, но невеста меня все-таки дождалась. За вторую целину, заняв третье место, опять же из пятидесяти взводов, был награжден орденом «Знак Почета».

По приезду с целины, поддавшись уговорам и обещаниям заместителя командира полка по вооружению подполковника Ивана Ивановича Бракоренко, принял должность заместителя по вооружению командира 2-го батальона. Но обещаниям Бракоренко о рекомендации меня для поступления в Академию тыла и транспорта не суждено было сбыться. Нет, упаси Боже, не по его вине.

В феврале-марте семьдесят девятого года наша, 106-я гвардейская воздушно-десантная Краснознаменная ордена Кутузова 2-й степени дивизия, наряду с другими частями и соединениями Советской Армии, нешуточно бряцала оружием (Держава, как-никак!) на советско-китайской границе в Забайкалье, тем самым предотвращая (и предотвратила!!!) вьетнамо-китайскую войну. Если туда вся дивизия — и личный состав, и техника — летела самолетами ВТА, то оттуда техника дивизии на места постоянной дислокации доставлялась железнодорожными эшелонами. С одним таким эшелонном ехал и капитан Михин, в дороге не на шутку простудившись. Диагноз госпитальных врачей звучал жестоко, как приговор дальнейшей военной карьере: «Острый гломерулонефрит». Казалось, детской мечте не суждено было сбыться.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...Через два месяца интенсивного лечения ко мне в палату «подселяют» пенсионера-полковника (забыл, к сожалению, его фамилию-имя-отчество) и он, узнав о моих стенаниях-недомоганиях, советует в очередной раз сдачи анализов воспользоваться мочой здорового лейтенанта (вон, их сколько, бездельников, мается во дворе). Иначе —

еще месяц лечения, и прощай армия с таким диагнозом: комиссуют подчистую. Дескать, выпишешься, десяток дней проваландаешь на службе, а затем — опять в госпиталь продолжать лечение.

Выписался, прихожу к комбату, тот, внимательно выслушав меня... Не буду повторять его слова (не для книги они), суть которых сводилась к исключительно неповторимой лексике, на которой, по словам Лебеда, не ругаются матом, а разговаривают военные. В конце своей тирады комбат добавил, что если успешно сдам министерскую проверку, то вот тогда-то и решится вопрос о дальнейшем лечении.

Через пару недель после сдачи пресловутой проверки на «хорошо» принес в госпиталь анализы, из которых явствовало, что «курс комбатовской терапии» пошел мне на пользу: в моче — незначительные изменения. Еще через две недели — моча, как у младенца, чиста, аки слеза. Там и перспектива поступления в Академию нешуточно замаячила.

Проучившись в Академии тыла и транспорта в Ленинграде (1980—1984), майор Михин назначается заместителем по вооружению командира парашютно-десантного полка в Литве, откуда через два года, по замене, становится на аналогичную должность в 357-м гвардейском парашютно-десантном полку 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Афганистан, Кабул).

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...В Афганистане опять моим начальником становится Иван Иванович Бракоренко, полковник, заместитель командира 103-й дивизии по вооружению. И даже он, зная меня с лейтенантских времен, всегда удивлялся, что количество техники, уходящей на боевые задания, и количество техники, вернувшейся на базу, одно и то же — не как в других частях и подразделениях. Даже участвуя в крупной войсковой операции, полковая техника в количестве 150 единиц полностью возвратилась без потерь. Правда, был подбит один БТР, но, отремонтировав его своими силами, поставили заново в строй.

В восемьдесят седьмом году, после того как были сбиты «стингерами» четыре вертолета, командованием принимается решение о полной эвакуации 2-го батальона из Бамиана. Мне ставится задача, чтобы вся техника и агрегаты были сданы местным «зеленым» под «протокол», но чтобы при этом после нашего отлета ничего не работало.

Руку под козырек: «Есть. Так точно. Не дурак».

В два часа ночи с руководителем полетов прилетаем в Бамиан. За три дня документы приема-сдачи были подписаны. С господствующей высоты сняты последние солдаты: демонстративно среди белого дня загружали ящики из-под боеприпасов, набитые камнями, в машины и обратным рейсом в кузовах незаметно доставляли личный состав.

Двадцать вертолетов за две ночи вывезли две трети батальона. Местные «зеленые» о чем-то догадывались, но мы их успокаивали, говоря, что идут учения у летчиков, идет облет вновь прибывшего пополнения. На третью ночь командование 40-й армии эвакуацию отменяет, мотивируя свой отказ нелетной погодой в Кабуле. Докладываю командиру дивизии, что эту, третью ночь, мы не продержимся — вертолеты каким-то чудом все-таки прилетели.

Перед отлетом мы завели все двигатели: и машины, и броню, и электростанции, предварительно открыв пробки масляных радиаторов. Вдобавок, подожгли все собранные в кучи покрышки, с гаубиц сняли прицельные рамки. Оставили «зеленым», считай, потенциальным басмачам, один металллом. И на последнем вертолете, опять вдвоем с руководителем полетов, улетали на этот раз в Кабул.

После такой успешной операции подполковника Михина обергали, как зеницу ока, не выпуская за пределы части до самого возвращения в Союз — за ним шла настоящая охота и «зеленых», и басмачей за большую денежную награду.

А ему? Ему — три ордена: «За храбрость» и две Красные Звезды.

После Афганистана, три года прослужив в Болградской дивизии, в девяностом году вернулся на круги своя, то есть вернулся служить в Тулу.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...В Тулу приехал с понижением (дочери необходимо было продолжать обучение, а в Болграде — ни одного высшего учебного заведения) на должность начальника автомобильной службы дивизии. Прибыв 30 декабря к командиру дивизии генералу Лебедю, несказанно удивив его предновогодним прибытием, получил разрешение приступить к приему должности 3 января. Через три месяца докладываю ему, что подписывать приемо-сдаточные документы не стану — такого вопиющего бардака, как в автомобильной службе дивизии, за всю свою офицерскую карьеру не встречал. За год привел все в надлежащее состояние и со спокойной совестью уволился из Армии в девяносто шестом году.

По «дембелю» его приглашает друг детства в Курган заместителем в свою фирму. Приехав налегке осмотреться-обтереться, на следующий день безапелляционно назначается исполняющим обязанности директора фирмы, ввиду убытия последнего в долговременный и долгожданный отпуск.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...Срочно вызываю жену и впрягаюсь в «гражданскую» жизнь. Через полгода приглашают на должность главного инженера по строительству Курганхиммаша, с окладом больше прежнего в три раза, с оплачиваемой заводом квартирой и другими льготами-благами руко-

водящих работников. Еще через полгода назначают на должность заместителя генерального директора завода. За девять лет моего пребывания на этой должности сменилось восемь генеральных директоров.

— И чего опять вернулся в Тулу?

— Не хватало летних каникул, чтобы наиграться-насладиться общением с четырьмя (!!!) внуками-внучками, которые каждое лето приезжали в Курган. Да, и к малой родине поближе, извини за высокопарные слова.

— Правильно — кто воевал, имеет право...

— Само собой, но и дочери помогаю достроить дом...

— Куда же — без этого.

В АФГАН — ЗА БУТЫЛКУ ВОДКИ

Моторин Сергей Георгиевич, родился 03.03.1950 г.

Казалось, о Сергее Моторине я знал, если и не все, то очень многое. Тем более что знаком с ним с 1972 года. Знал, что он мастером спорта по боксу пришел служить в нашу Тульскую 106-ю воздушно-десантную дивизию из далекого Красноярска, где в 1969-м году окончил речное пароходное училище; знал, что он становился чемпионом и призером первенств ВДВ, округа, Вооруженных Сил; знал, что он воспитал и тренировал своих сыновей (старший Алексей — победитель и чемпион многих международных соревнований в боях без правил, младший Виктор — в шестнадцать лет стал мастером спорта по боксу; сейчас оба сына — на тренерской работе, как и их отец); знал, что за Афганистан он награжден двумя орденами Красной Звезды; знал, что он недавно получил звание Народного тренера России; знал, в конце концов, что он профессиональный пчеловод и у него изумительный мед, которым он угощает меня каждый год. Знал...

Оказывается, не все знал.

— Служба моя началась в Витебской 103-й дивизии. И продолжалась ровно два дня — меня и еще четверых сибиряков даже не успели переодеть в военную форму. За эти два дня мне удалось узнать, что в части, куда нас определили, практически не было спортсменов, не то что высокого, но даже среднего уровня. И я приуныл. На третий день прозвучала команда о построении личного состава ростом сто девяносто сантиметров и выше со славянской «мордой лица». Из полутора сотен высокорослых новобранцев отбирали только двадцать пять человек для Тульской 106-й дивизии участвовать в парадах на Красной площади. Я сразу смекнул, что в Тульской дивизии наверняка со спортом дела обстоят намного лучше. Как-никак Тула — недалеко от столицы. И пошел на хитрость. У меня — сто восемьдесят четыре, у моих земляков — на сантиметр выше, на сантиметр ниже. Но нас-то еще не

переодели и мы, «сибирские лапти», были обуты в валенки. По моей команде все пятеро стали пятками на задники валенок и все оказались не только выше ста девяносто сантиметров, но и все оказались в Тульской дивизии.

— Ты стал заниматься настоящим «мордобоем». Да, помню, помню: я с тобой познакомился, когда начинал свою службу в 51-й полку молодым лейтенантом и был врачом на соревнованиях боксеров. А ты в том, семьдесят втором году, был старшиной спортроты и твоему старшему (тогда — единственному) сыну стукнуло годик. Потом ты закончил в Литве школу прапорщиков и пришел продолжать службу на полигон нашей дивизии. И стал разводить пчел. И, якобы гуляючи, закончил заочно коммунально-строительный техникум. И практически был одним из прапорщиков полигонной команды, ежегодно выполняющим программу парашютных прыжков.

— В восемьдесят шестом году, — продолжает приоткрывать мне неизвестные штрихи своей биографии Сергей, — мне пришел вызов для прохождения дальнейшей службы в Чехословакии. Помогли друзья.

— А попал в Афганистан.

— Чтобы попасть в Афганистан мне пришлось напоить своего командира.

— Не понял?

— Не перебивай. Рассказываю по порядку. Вызов в Чехословакию заместитель командира дивизии полковник Кротик — ты его прекрасно знаешь — спрятал в свой сейф. И, когда я его напрямую спросил о том спрятанном вызове, он мне также прямо ответил, что если я буду ерепениться и дальше, то загремлю в Афганистан. Моей реакции он явно не ожидал: «Поеду с удовольствием!». Но и в Афганистан он меня, конечно, не отпустил. Пришлось мне, в бытность Кротика в командировке, напоить начальника полигона, своего командира, чтобы он в полубессознательном состоянии подписал рапорт о направлении меня в Афганистан. Этот рапорт, опять же в отсутствии Кротика, срочно отправили секретной почтой в штаб ВДВ. Когда пришел приказ за подписью командующего, Кротик в ярости орал на моего командира: «С кем ты работать будешь? Единственного непьющего прапорщика самолично лишился». Так 12 февраля восемьдесят седьмого года я оказался в Кабуле, на должности старшины ремонтной роты 350-го, самого воюющего, самого боевого, полка Витебской 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Откуда начинал службу.

— У обывателей бытует мнение, что служба в Афганистане у тыловиков, у ремонтников была «не бей лежачего».

— Абсолютно согласен. Мы и не били лежачего. Ремонтники всегда сопровождали колонны. И если, не дай Бог, «духи» подбивали машины в колонне, то рядом с подбитыми машинами всегда остава-

лись только ремонтники. А колонна уходила дальше, оставляя нас одних с подбитой техникой и непредсказуемостью исхода боя с противником. В шести подобных случаях мне приходилось командовать своими ремонтниками. Не только вытаскивать подбитую технику, но и отбивать атаки душманов. К счастью, в этих шести боях у нас не было двухсотых. За эти вот случаи «не бей лежачего», меня и наградили первым орденом.

— Как у тебя все просто получается: пришел, увидел...

— Конечно, просто. Ротой командовал молодой старший лейтенант, который всецело зависел не только от командиров взводов — прапорщиков и срочников-дембелей, но и откровенно их боялся. Практически не командовал личным составом. Тем более что прапорщики на него постоянно жаловались заместителю командира полка по вооружению, который тоже «гноил» своего ротного. В мое первое афганское утро на подъеме дембеля (так как они считали, что подъем не для них) продолжали валяться в койках. Пришлось самого наглого поднимать рывком из койки, на что он мне опять же нагло заявил: «Прапор, ты что — оборзел совсем?». Дальше он договорить не успел, потому что был моментально впечатан в стену модуля, попутно собирая своим телом все, что находилось на его пути. Потом пошло проще. Каждое утро весь личный состав роты, даже взводные-прапора, до этого зарядкой вообще не занимающиеся, стали бегать кроссы. И попробовал бы кто от меня отстать. Нет, кулакам волю больше не давал. Хватило одного раза. Надо отдать должное тому дембелю — не пожаловался он на меня за рукоприкладство. Хотя взводные на меня и пытались вначале давить и даже жаловались, как и на командира роты. Но заместитель командира полка по вооружению, видя, что в роте постепенно создается нормальная атмосфера, меня не трогал. А после майских праздников...

— И что произошло на эти праздники? — перебиваю его с нетерпением.

— На майские праздники устроили соревнования. В том числе и по перетягиванию каната. Наша рота легко дошла до финала. Ремонтники — народ особенный: к железу, к тяжестим им не привыкать. И чтобы победить нас, собрали сборную полка, которую мы также одолели одним махом. А здесь и бокс подоспел. Водитель командира полка, паренек под два метра и под сто двадцать килограмм, сокрушал всех подряд. Пришлось и мне натянуть перчатки под недоумевающий возглас старшины второй роты Олега Гонцова (да, да, того самого Ганса — создателя и первого руководителя ансамбля «Голубые береты»): «Дед, куда ты лезешь?». После того, как с первых ударов мой соперник был повержен, Гонцов подошел ко мне и попросил о персональных занятиях с ним.

— Второй орден?

— Из ремонтной роты меня перевели на должность командира комендантского взвода...

— Особа, приближенная к телу? — опять перебиваю Сергея.

— Ага, особа. Очень даже приближенная. Около двадцати раз вызывался ходить снайпером в ночные засады и десяток «духов», как минимум, на моем снайперском счету. Еще в одной операции, когда под моим началом было пятнадцать человек, из засады на нас неожиданно напали, и наша группа в неравном бою положила семнадцать «духов». А у нас — пара пустяковых ранений.

— Самое страшное?

— Есть такой перевал рядом с Пакистанской границей — Сату-Кандал. Афганская ДШБ (десантно-штурмовая бригада) этот перевал не могла взять четыре месяца. Бойцы нашего полка овладели этим перевалом за сутки. Впереди моей группы из комендантского взвода шли только пятеро разведчиков. Выбили «духов», закрепились, и по высоте, где находились разведчики, ударила артиллерия наших «зеленых» друзей. Не ожидали они от нас такой прыти и по старой памяти обстреляли позиции противника, которого там уже не было. И мне с моим комендантским взводом пришлось собирать то, что осталось от пятерых разведчиков. Это — очень страшно. Поверь — очень.

— Пятнадцатое февраля?

— В восемьдесят девятом году этот день я встречал в Союзе, в Боровухе, под Витебском. Там же и получил свой второй орден. На следующий год, переведясь в Тулу, уволился в запас старшим прапорщиком.

— Пятнадцатое февраля двадцать лет спустя?

— Ветераны 350-го встречались в Москве, в одном концертном зале. Я немного опоздал. Вхожу в зал. На сцене Олег Гонцов со своим новым ансамблем «Ростов-Дон». Увидя меня, он прерывает песню и по микрофону вызывает меня на сцену: «Дед, быстрее — к нам!». Потом объятия. С бойцами. С офицерами. С генералами. Фотографирование. И обязательный, третий, тост, стоя, не чокаясь.

— За тех, кто не вернулся, кто остался там, за Речкой...

